

Что-то сдвинулось в нашем сознании. Если раньше жизнь поэта была ограничена тридцатью семью годами, то теперь и в восемьдесят лет творческая жизнь стихотворца не только не затухает, но и, бывает, разгорается ещё ярче. Поэзия теперь не укорачивает, а удлиняет жизнь человека. Есть яркий пример восьмидесятилетнего патриарха русского авангарда Константина Кедрова, который каждый год выпускает новую книгу, написанную с нуля. Творчество Александра Воловика, ровесника Кедрова, тоже вписывается в этот мысленный ряд. «Он это я» – книга стихов пяти последних лет. Никаких пересечений с прежними текстами. Причём это далеко не все тексты, написанные поэтом за последнее время – только избранные. Название книги – несколько переиначенное и русифицированное индуистское изречение на санскрите: тат твам аси. Я – это ты, ты – это я. В этом крылатом изречении слышится общность отдельного индивидуума с окружающим миром. Вычитывается в заглавии книги и такой смысл: «он» – это тоже «я», только в несколько другом, изменённом состоянии. Например, в стихах Александр Воловик всё же несколько другой, чем в жизни. Все эти сведения можно почерпнуть в его творчестве. «Бессобытийный» поэт то «удручающе нормален», то, наоборот, он «честный одиночка-маргинал». Возможно, как раз бессобытийность жизни и побуждает поэта идти на разные ухищрения, иронизировать, заниматься весёлой самокритикой. Александр легко шутит на темы возраста, национальности, жизни и смерти.

«Стайер» по жизни, Александр Воловик закончил в своё время мехмат МГУ. Раньше для поэзии это было приговором: физикандр не позволялось быть с лириками на равных. Но в России поэту нужно жить долго. С течением времени всё перевернулось: теперь физика лирике только помогает, делая её яркой и лексически богатой. В стихах Александра Воловика – большой объём бытия, вытекающий из сочетания в душе поэта противоположных начал. «Трубадур скабреза, но раб приличий», – шутит он о себе. Иногда и сам человек не знает тайну своей души, но пытается её исследовать. И творчество, конечно, помогает в таких исследованиях. Воловик – рыцарь поэзии. Для него писать так же естественно, как и дышать.

Словотворчество – тоже важная вещь для поэта: «Я ранний вставахер. / Я поздний ложухер». Возможно, именно бессобытийность жизни помогает Александру изобретать слова. На что ещё обращаешь внимание в новой книге? У Александра Воловика – редкий ритмический дар. Бывает, у других поэтов все стихи написаны одним и тем же размером. А вот у Александра всё не только разнообразно, но и даже изысканно в плане ритма стихотворений: «И вдруг дошло: меня вела ж – блажь. / Кто я такой? Таких велик клан. / И не лежит, куда ложил, глаз. / А ведь я клал его туда, клал!». Без врождённого чувства ритма так не напишешь. Ритм – это и есть «правда» стихотворения. Это звук в квадрате. Именно разнообразный ритм в сочетании с необычной лексикой представляется мне главенствующим элементом в поэтике Воловика.

Александр считает, что поэзия – это, прежде всего, звук. Одно из стихотворений в новой книге так и называется «Не ум, а звук». Впрочем, все авторы почитают главным в поэзии то, что сильнее всего выражено у них в собственной лирике. Например, Рильке полагал, что поэзия – это судьба. Вознесенский говорил, что поэзия – это понимание. Александр Воловик идеально чувствует звук. Мало кто способен найти общее, например, у митрополита и метрополитена. А общее – звучание этих слов. Приведу ещё один фрагмент из новой книги о важности акустики в стихах: «Мы себе позволяем резвиться, / из-за звука вызванивать звук». Вот ещё один: «Выговаривая звук, / можно думать ни о чём». Мы понимаем, что звукопись действительно важна в поэзии Александра Воловика.

*Разбойных вёсен свесив завязь
разнуданно и несурзанно,
дремучий бор стоял у яуз,
и лоси по болотам вязли.*

*Пилы не знали ели. Еле
кольшиа листьями, берёзы
как будто тенью скрыть хотели
непрошенные сосен слёзы.*

*Но бездорожью и безлюдью
уже готовилась расправа,
шли лесорубы, словно судьи
и грамыхали топофами.*

*Варяги в греки шли с товаром
и зачарованно глядели,
как стены крепкие вставали
и башни грозной цитадели.*

Поскольку у Александра есть чутьё на звук, рифмы в его творчестве также играют важную роль. «Завязь – яуз», «глазу – плаза», «взоры – взорван», «аптеки – ацтеки», «сила ботаники – в силлаботонике», «политика – поллитры как», зван – звон» – тут вам и корневые рифмы, и составные, и ассонансные. Цветущее разнообразие! Ещё один формообразующий для поэтики Александра элемент – нестандартный взгляд на окружающий мир. Если весь мир – театр, то играют в нём не только люди, но и вещи. Например, разные фасоны одежды: «Раз, весёлою походкой / выйдя на дорогу, / кимоно с косовороткой / повстречали тогу. / Угостили тогу водкой, / подивились смогу, / и продолжили дорогу / шаткою походкой. / А вокруг в снегу сновали / армяки, шинели, / шали шёлково шуршали, / фески пламенели... / Я же, лёжа, гол и бос, / это вот в мобильник внёс». Александр – редкий лирик, который сам пишет об особенностях своей стилистики. Тем самым, конечно, он изрядно облегчает задачу рецензентов:

*Сиди, обыденность, в потёмках,
не тормози мою работу!
Я не люблю писать о чём-то.
Меня не вдохновляет что-то.*

*А я люблю писать про нечто.
Про взгляд и нечто. Но такое,
чтобы звенело, как колечко,
о подстаканник, золотое.*

*И чтобы тонкие глаголы
вitalи, цацкались и пели,
и звуков лёгкие уколы
ознобом отзывались в теле.*

*Летя стремглав, как света кванты,
чтоб в цель они ложились кучно...
– Так Вы творите как новатор?
– Ну да, и складно, и нескучно.*

Стихия Александра Воловика, по его собственному признанию, – «буквы спаривать со звуками интимно / в соответствии взаимно-однозначном». Воловик не входит ни в какие литературные объединения. Однако жизнь его неразрывно связана с поэзией: «Я живу в первичном мире, / в том, который был всегда. / Тут не мчат автомобили, / не роятся города. / Тут не избы, а чертоги, / не сараи, а дворцы. / И живут тут только боги. / Только боги и творцы».

В новой книге Александра много стихов авангардных и новаторских. Вот, например, его посвящение Велимиру Хлебникову:

*смеюнчик верлимирней хлебника
кривротосклив оскаламбурен
прелюбогамной младоступности
куздраслевая в смотрофон
харрасментарий гуинленником
непринудист но в терем тюрем
перепалачен шлепом пупочки
фрибально взубом в солдафонд*

На мой взгляд, этот текст Воловика больше напоминает не Хлебникова, а тексты нашего современника и друга Вилли Мельникова, увы, от нас ушедшего. Но именно Велимир был первым русским поэтом, который широко начал использовать в стихах изобретённые им слова. Александру Воловику одинаково хорошо удаются как авангардные стихи, так и классические. Складывается впечатление, что он способен писать их одновременно, и это очень редкое явление в современной поэзии. Автор ориентирован на поиски новых форм ради вечного обновления: «Ав- / густ: / трав / куст, / дид- / жей / дож- / дей». «Средь дыр был щами», – шутит поэт, перефразируя Алексея Кручёных.

В лирике Александра я нередко слышу внутренние диалоги с классиками. Например, у Пушкина Сальери говорит – «Поверил алгеброй гармонию». У Воловика – «гормоны алгеброй смирял, нырял в источник». У Пушкина – «народ безмолвствует», у Воловика – «народ согласен». Что, если вдуматься, почти одно и то же: народ согласен с властью – и именно потому безмолвствует, и безмолвствовать ему почему-то не позорно. Есть у Александра и своё «нет, я не Байрон, я другой». Это стихотворение «Ни внутривенно, ни подкожно».

Представлены в новой книге и стихи о пандемии. Пандемия ушла, а стихи об этом странном времени остались. Важно, что в стихах Воловика, даже самых отвлечённых, пульсирует время. Поэт нетривиально говорит о событиях на Украине. Он не кричит и не молчит – он... проговаривается об этом в стихах на другие темы. Нечаянные обмолвки свидетельствуют о важности вопроса для автора, и при чтении это впечатляет больше, нежели крик. Через всю книгу проходит горечь поэта о потере близкого друга – Владимира Герцика. «Нет, весь я не уймуся!» – говорил Герцик, перефразируя Пушкина. Стихотворением Александра Воловика памяти Герцика я и хочу закончить свой обзор.

*Я тоскую без Герцика...
Всюду постные лики.
Без Володи – без перца как
или как без аджики.*

*Он усердствовал яростно
по несбыточным целям,
от галёрки до ярусов,
максимален и целен.*

*Был то хокку, то «блямсами»,
точно в бубен меж буден,
островзглядно-неглянцевый,
неуёмен и труден.*

*И всегда – а иначе как! –
читать и помнить я буду
бородатого мальчика,
просветлённого Буддой.*

Книга Александра Воловика «Он есть я» доступна в интернет-магазинах «Озон», «Читай-город», «Book-24» и других книжных магазинах.